

Духъ не отступалъ отъ животворящаго тѣла Христа, ни Его Божество не отдѣлялось. Такимъ образомъ вода изображаетъ Духа, называемаго иногда водою, а теплота, заключающаяся въ ней, — огонь Божества: потому что сказано: *Богъ нашъ огонь поядай*. Потому-то и присовокупляется теплота Духа Святаго; аминь. Игакъ божественные дары, будучи совершенными, не получаютъ большей благодати, но предлагаются только для насъ, чтобы мы ими и молитвами могли освятиться.

Вопр. *Отчего литургія преждеосвященныхъ даровъ не совершается и въ другіе дни года?*

Не слѣдуетъ совершать литургію преждеосвященныхъ даровъ не въ установленные, а въ другіе дни: потому что этого не предано. А дѣлающій вопреки тому, что предано, подвергается отвѣтственности по правиламъ. *Держите*, говоритъ Павелъ, *преданія*, которыя я вамъ предалъ *или словомъ, или посланіемъ* (2 Сол. 2, 15). Тоже должно наблюдать и относительно всего, преданнаго намъ издревле.

Вопр. *Кто предалъ божественный и святой монашескій образъ жизни, почему онъ называется ангельскимъ и для чего преданъ?*

Объ ангельскомъ и божественномъ монашескомъ образѣ жизни первый написалъ божественный Діонисій. Ученіе о немъ преподалъ и самъ Спаситель, и это ученіе соблюли Его ученики. Дѣйствительно, не отъ святыхъ только Пахомія, Павла Фивейскаго и Антонія этотъ образъ жи-

зни имѣетъ начало и законоположеніе, какъ говорятъ нѣкоторые, но отъ самаго Спасителя и, перешедши къ Апостоламъ, — такъ какъ и они жили по монашески — въ чистотѣ, въ постѣ, нестяжательности и молитвахъ, — распространился между жившими послѣ нихъ и просіялъ въ святыхъ Отцахъ. Но и во время Апостоловъ нѣкоторые и священныя лица, и міряне, проводили этотъ образъ жизни, чему доказательство — монахъ Демофилъ, котораго Діонисій называетъ оерапевтомъ, иначе — монахомъ, подражающимъ Богу, или служащимъ Богу. Діонисій излагаетъ и священнодѣйствіе монашескаго посвященія, и указываетъ монашескому чину мѣсто — первое послѣ чина священническаго. Монашество прообразили и Пророки, какъ и прочее, относящееся къ Спасителю, — крестъ и страданія, воскресеніе, безсѣмное рожденіе, божественное крещеніе и святую жизнь, какъ сказано, и почти все; — притомъ многіе изъ праведниковъ и Пророковъ, особенно же: Илія, жившій отшельникомъ и дѣвственникомъ, и возвысившійся тѣмъ надъ закономъ; Елиссей, находившійся у него въ послушаніи и обитавшій въ горѣ, и на послѣдокъ Креститель, проводившій жизнь дѣвственную, безъ одежды и безъ пищи, жившій въ пустыняхъ и проповѣдавшій покаяніе; завершилъ же и предалъ, какъ мы сказали, Спаситель, въ когоромъ соединились всѣ прообразованія, такъ какъ Онъ одинъ есть истина, родился отъ чистой Дѣвы, пребылъ дѣвственнымъ, пожилъ свято, былъ бѣденъ, ходилъ пѣшкомъ, не имѣлъ, гдѣ главу подклонить,

жилъ совершенно, былъ послушливъ Отцу даже до смерти, терпѣлъ гоненія, скорби и сгряданія, вкусилъ самую смерть, и все это переносилъ съ кротостію, часто уклонялся, чтобы молиться наединѣ, начертывая тѣмъ правило безмолвія. На горѣ же Онъ преподалъ правила совершеннѣйшія и явилъ славу своего Божества, которую всегда открываетъ очищающимъ себя ради Его и любящимъ Его отъ всего сердца, особенно же ищущимъ Его въ безмолвіи. Черезъ своихъ учениковъ Онъ и указалъ порядокъ обыкновенной жизни, и законоположилъ для желающихъ взять крестъ и послѣдовать Ему — оставлять ради Его родителей, братій, жену, дѣтей, сродниковъ, поля и все мірское, назвавъ ихъ однихъ своими учениками и достойными Себя; законоположилъ этотъ святой, пророческій, апостольскій, лучше же сказать, ангельскій образъ: такъ какъ въ немъ подражаютъ дѣвству Ангеловъ, ихъ подчиненію, пѣснословію, нестяжательности, неусыпной молитвѣ, славословію и служенію, не знающему утомленія; — собственно же образъ Свой: такъ какъ Онъ, для исправленія нашей природы, возведенія ея въ первобытное состояніе и возвращенія ей богоподобія, и для уничтоженія растлѣнія міра, соединившись съ нами и ставъ однимъ изъ насъ, указалъ эту небесную жизнь, Онъ — инокъ, только не отъ земли и не отъ міра сего, но премірный, небесный, имѣющій житіе, по словамъ Павла, по-истинѣ на небесахъ и провозвѣщающій оное. Пусть же знаетъ монахъ, что онъ

уже не принадлежитъ къ этой жизни, но что онъ умеръ ей и сталъ человѣкомъ нетлѣннымъ и небеснымъ. Все это показываетъ и монашеское облаченіе. Оно все черное и этимъ означаетъ скорбь и умерщвленіе плоти, и мракъ грѣховный; одежды власыныя, или кожаныя, знаменуютъ тоже умерщвленіе; нижняя одежда—благодать Божию, эту одежду нетлѣнія; верхняя—покровъ божественный; кукуль — непорочность и храненіе чувствъ, смиренномудріе, чистоту и вмѣстѣ соблюденіе господственнаго въ насъ (ума); аналавъ — несеніе на раменахъ креста и послѣдованіе Христу; поясъ—силу, цѣломудріе и чистоту; обувь—шествіе божественнымъ путемъ и наступленіе на всю силу вражію; мантия — огражденіе и охраненіе божественнымъ Промысломъ, также—гробъ тѣла и то, что имѣющей руки подъ мантиею не можетъ позволять себѣ рѣшительно ничего мірскаго. И на всѣхъ этихъ одеждахъ дѣлается крестное знаменіе: потому что вся жизнь монаха есть одинъ крестный подвигъ, и онъ слѣдуетъ за Распятымъ и подобно Ему носитъ крестъ. Вообще, этотъ образъ и преслушаніе уничтожаетъ, равно какъ клятву смерти и осужденіе людей за ихъ стремленіе къ нѣгѣ и наслажденію, и рай отверзаетъ, открываетъ самое небо, даруетъ безсмертіе и есть начатокъ жизни вѣчной. Одежды же монаха не только не должны быть разноцвѣтныя, или шелковыя, или льняныя, но должны быть даже изъ простой шерсти и лишь бы служили покровомъ: пбо отъ монашескаго образа далеки

всякая роскошь и излишество. Слѣдуетъ употреблять только необходимыя и требуемыя немощію одежды, и то не въ излишествѣ. Притомъ, монахамъ надлежитъ быть препоясанными, какъ бы они священнодѣйствовали предъ Богомъ и служили Ему, подобно Пророкамъ и Апостоламъ.

Вопр. Какое значеніе имѣютъ одежды монаха? И слѣдуетъ ли ему всегда быть облаченнымъ въ нихъ?

Слѣдуетъ облачаться (всегда) во всѣ эти символы монашескаго образа: потому что они наводятъ на мысль божественное и усвоены они ему для того, чтобы, облачаясь въ нихъ, мы приходили къ воспомнанію того, что они знаменуютъ. Притомъ, они не составляютъ и тяжести: не изъ желѣза же они и не цѣпи. Монахи въ нихъ и погребаются, какъ священники въ облаченіяхъ, усвоенныхъ священному сану, — не потому, чтобы въ нихъ они имѣли воскреснуть, но потому, что они служатъ знаками вещей божественныхъ и того, что облеченный въ нихъ жилъ согласно съ ихъ смысломъ, и, если даже не жилъ такъ, однакожъ приступилъ къ нимъ и рѣшился ихъ принять. Итакъ, поелику каждый пребудетъ въ собственномъ чинѣ, то на этомъ основаніи, какъ монахъ, такъ и священникъ, облачается въ одежды своего образа и чина, и въ нихъ приносится Богу, смотря, т. е., потому, въ монашескомъ образѣ, или въ священномъ санѣ, его постигла кончина. И такъ какъ настоящее время—